

Мопассан Ги де

Оливковый сад

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г46

Г46 **Ги де М.**
Оливковый сад / Мопассан Ги де – М.: Книга по Требованию, 2025. – 104 с.

ISBN 978-5-519-97333-5

Содержание: Оливковый сад; Утопленник; 25 франков сестры милосердия; Испытание; Калека; Александр

ISBN 978-5-519-97333-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Спасибо, голубчикъ.

И въ сопровожденіи этого человѣка священникъ тронулся въ путь, пожавъ руки оставшимъ и предоставивъ имъ убрать его лодку.

Онъ шелъ крупными, медленными шагами, и фигура его дышала силой и достоинствомъ. Такъ какъ онъ еще былъ разгоряченъ послѣ такой энергичной гребли, онъ временами, проходя подъ жидкой тѣнью маслинъ, обпашалъ голову и подставлялъ вечернему воздуху, все еще теплому, несмотря на тянувшій съ моря прохладный вѣтеръ, свой высокій лобъ, обрамленный прямыми, короткими, сѣдыми волосами—скорѣе лобъ офицера, чѣмъ лобъ священника. На небольшомъ холмикѣ, посреди широкой долины, спускавшейся въ морю, показалась деревня.

Дѣло происходило іюльскимъ вечеромъ. Ослѣпительное солнце, почти уже достигшее зубчатого гребня отдаленныхъ холмовъ, вытянуло наискось, черезъ бѣлую, укутанную въ пыльный саванъ дорогу, безконечную тѣнь священника; его треуголка, отбрасывала въ соседній садъ огромное черное пятно, которое, словно играя, то быстро вскакивало на стволы вѣтрѣчныхъ маслинъ, то падало на землю и прыгало между деревьями.

Изъ-подъ ногъ аббата Вильбуа поднималось облако тонкой пыли, которая, точно мельчайшей мукой, устилаетъ лѣтомъ провансальскія дороги. Эта пыль дымкой окутывала плечу священника, покрывая подолъ ея все болѣе рѣзкими

сѣрымъ налетомъ. Онъ уже успѣлъ освѣжиться и шель, засунувъ руки въ карманы, медленной и мощной походкой горца, совершающаго восхождение. Его спокойный взоръ устремленъ былъ на село, на то село, гдѣ онъ уже двадцать лѣтъ былъ священникомъ, онъ самъ избралъ себѣ его и не легко было ему оставить его за собой, въ качествѣ прихода, но здѣсь онъ рассчитывалъ теперь кончить свою жизнь. Церковь — его церковь — вѣнчала широкій конусъ столпившихся вокругъ нея домовъ, и двѣ ея башни изъ коричневаго камня, четырехгранныя, различной высоты, вырисовывали на фонѣ этой прекрасной южной долины свои старинные силуэты, напоминавшіе больше укрѣпленія воинственнаго замка, чѣмъ колокольни священнаго храма.

Аббатъ былъ хорошо настроенъ, такъ какъ поймалъ трехъ морскихъ волковъ, двухъ муренъ, не считая мелкой рыбы.

Этотъ богатый уловъ доставить ему новый маленькій триумфъ въ глазахъ его прихожанъ. Онъ пользовался среди нихъ особымъ почетомъ, какъ человѣкъ, имѣвшій, несмотря на свой пожилой возрастъ, едва ли не самые крѣпкіе мускулы во всемъ околоткѣ. Онъ стрѣлялъ изъ пистолета такъ, что пулей срѣзывалъ стебель цвѣтка; по временамъ состязался въ фехтованіи со своимъ сосѣдомъ, табачнымъ торговцемъ, служившимъ когда-то въ полку, а что касается плаванія, то съ нимъ никто не могъ тягаться на всемъ берегу. Эти маленькія удовлетворенія

невиннаго тщеславія были его самой большой радостью.

Когда-то это былъ свѣтскій человѣкъ, съ большими связями, очень элегантный. Его звали баронъ де-Вильбуа. Когда ему было тридцать два года, онъ пошелъ въ священники изъ-за неудачной любви.

Происходя изъ стариннаго пикардійскаго рода, преданнаго королю и религіи, въ теченіе вѣковъ посылавшаго своихъ сыновей въ армію, магистратуру и клиръ, баронъ сначала собирався вступить въ одинъ изъ монашескихъ орденовъ, какъ это совѣтовала ему мать, но потомъ, уступая настояніямъ отца, рѣшилъ просто отправиться въ Парижъ, изучить юриспруденцію и постараться занять какое-нибудь видное мѣсто въ судѣ.

Но онъ еще не успѣлъ окончить своего университетскаго курса, какъ отъ воспаленія легкихъ, схваченнаго во время охоты въ болотахъ, умеръ его отецъ, а за отцомъ въ непродолжительномъ времени послѣдовала и мать, сраженная горемъ. Внезапно унаслѣдовавъ такимъ образомъ большое состояніе, онъ отказался отъ проектовъ какой бы то ни было карьеры и предпочелъ отдаться беззаботной жизни богатаго человѣка.

Онъ былъ красивъ, уменъ, хотя умъ его былъ скованъ традиціонными вѣрованіями и принципами, которые онъ, такъ же, какъ и мускулы, получилъ въ наслѣдство отъ своихъ предковъ, пикардійскихъ помѣщиковъ. Онъ

правился, онъ производилъ впечатлѣніе въ большомъ свѣтѣ и наслаждался всѣми благами, какія можетъ дать жизнь молодому, благоразумному, богатому, пользующемуся успѣхомъ человеку.

Но вотъ, встрѣтившись нѣскольکو разъ у одного изъ друзей съ молодой актрисой, совсѣмъ еще юной ученицей консерваторіи, блестяще дебютировавшей въ Одеонѣ, онъ влюбился въ нее.

Онъ влюбился со всею силою, со всѣмъ беззаветнымъ влеченіемъ человека, способнаго къ безграничной вѣрѣ. Онъ влюбился въ нее подъ гипнозомъ романтической роли, въ которой она имѣла такой успѣхъ, въ тотъ самый вечеръ, когда она впервые выступила передъ публикой.

Это была хорошенькая женщина, извращенная отъ природы, съ наружностью наивнаго ребенка, которую онъ называлъ ангельской. Она сумѣла покорить его вполне, сдѣлала его однимъ изъ тѣхъ бѣсноватыхъ, однимъ изъ тѣхъ восторженныхъ маньяковъ, которыхъ взглядъ любимой женщины и даже одинъ видъ ея платья жжетъ огнемъ всѣхъ смертныхъ страстей. Онъ взялъ ее въ любовницы, заставилъ бросить театръ, и въ теченіе четырехъ лѣтъ любилъ ее съ неизмѣнно возрастающимъ пыломъ. И несомнѣнно, онъ въ концѣ концовъ женился бы на ней, несмотря на свое имя, несмотря на всѣ свои фамиліальные традиціи, если бы въ одинъ прекрасный день не открылось, что она давно уже обманываетъ его съ однимъ

изъ его пріятелей, съ которымъ она же его познакомила.

Драма была тѣмъ ужаснѣе, что она была беременна, и онъ ожидалъ только рожденія ребенка, чтобы жениться на ней.

Когда въ рукахъ его очутились улики—письма; случайно попавшіяся ему въ ящикъ стола,—онъ осыпалъ ее упреками за ея невѣрность вѣроломство, испорченность, со всею грубостью полудикаря, какимъ онъ въ сущности и былъ.

Она же, дитя парижскихъ тротуаровъ, безстыдная душой въ такой же мѣрѣ, какъ и распутная тѣломъ, увѣренная въ другомъ любовникѣ не менѣе, чѣмъ въ этомъ, къ тому же смѣлая, какъ тѣ дѣвушки изъ народа, которыя вскакивали на баррикады ради простого удалства, вызывающе отвѣтила ему бранью; а когда онъ поднялъ на нее руку, показала на свой животъ.

Онъ остановился, блѣднѣя при мысли, что существо, зачатое имъ, его дитя—было тамъ, въ этой грязной утробѣ, въ подломъ тѣлѣ этой гадины! И онъ рванулся къ ней, чтобы раздавить ихъ обоихъ, уничтожить однимъ ударомъ этотъ двойной позоръ. Ее объялъ страхъ, она почувствовала себя погибшей, и, извиваясь подъ ударами его кулака, видя, что онъ заноситъ ногу, чтобы растоптать ея вздувшійся животъ, гдѣ уже жилъ зародышъ новаго человѣка, она протянула руки, какъ бы отстраняя его удары, и закричала:

— Не убивай меня. Ребенокъ не твой, онъ его.

Онъ откинулся назадъ, остолбенѣвшій, до такой степени пораженный ея словами, что его ярость словно застыла на мѣстѣ, какъ и каблукъ, поднятый въ воздухъ; онъ пробормоталъ:

— Ты... ты говоришь?..

Она, вдругъ обезумѣвъ отъ ужаса передъ неминуемой смертью, которую она прочла въ глазахъ и въ угрожающемъ жестѣ этого человѣка, повторила:

— Онъ не твой, онъ его!

Уничтоженный, онъ прошепталъ сквозь стиснутые зубы:

— Ребенокъ?

— Да.

— Ты лжешь.

И онъ снова занесъ ногу, чтобы раздавить, растоптать... Между тѣмъ его любовница, поднявшись на колѣни и стараясь отстранить его, все время бормотала:

— Говорю же тебѣ, что ребенокъ отъ него! Если бы онъ былъ отъ тебя, такъ почему же этого не случилось уже давно?

Этотъ аргументъ поразилъ его, словно онъ заглянулъ въ лицо самой истинѣ. Онъ испыталъ одно изъ тѣхъ озареній мысли, когда вся цѣпь разсужденій встаетъ передъ нами въ одинъ моментъ съ ослѣпительной ясностью, точноностью, неоспоримостью, непререкаемой убѣдительностью. Онъ сразу увѣрился, что не онъ отецъ того несчастнаго ребенка, котораго по-

сила въ себѣ эта потаскушка; и, почувствовавъ внезапное облегченіе, почти успокоившись, онъ уже не хотѣлъ больше убивать презрѣнную тварь.

И онъ обратился къ ней менѣе гнѣвнымъ голосомъ:

— Встань, убирайся сейчасъ же вонъ,—и чтобы я никогда тебя больше не видѣлъ!

Совершенно смирившись теперь, она тотчасъ же повиновалась и исчезла.

Онъ дѣйствительно никогда ее больше не видѣлъ.

Съ своей стороны, и онъ также немедленно уѣхалъ изъ Парижа и направился къ югу, къ солнцу. Онъ остановился въ одномъ селѣ, расположенномъ среди долины, на берегу Средиземнаго моря. Ему понравилась сельская гостиница съ видомъ на море, онъ снялъ тамъ комнату и поселился на житье. Полтора года провелъ онъ здѣсь со своимъ горемъ, со своимъ отчаяніемъ, въ полномъ одиночествѣ. Онъ жилъ, терзаясь воспоминаніемъ о предательницѣ, о ея очарованіи, о ея коварствѣ, о ея непостижимой притягательной силѣ, и втайнѣ жаждалъ ея присутствія и ея ласкъ.

Такъ онъ жилъ, бродя по долинамъ Прованса и подставляя свою бѣдную, одержимую болѣзненной маніей голову солнечнымъ лучамъ, просѣивающимся сквозь сѣроватую листву оливковыхъ деревьевъ.

Но мало-по-малу его старыя религіозныя настроенія, его прежняя пылкая вѣра, почти не

остывавшая въ немъ, стали сладко овладѣвать его сердцемъ въ этомъ скорбномъ уединеніи. Религія, которая нѣкогда рисовалась ему, какъ убѣжище отъ невѣдомой жизни, явилась теперь, какъ убѣжище отъ жизни, обманувшей и измучившей его. Онъ сохранилъ привычку молиться. И теперь, въ своемъ горѣ, онъ сталъ прибѣгать къ молитвѣ: часто въ сумерки онъ отправлялся въ церковь и тамъ преклонялъ колѣни среди полутьмы, въ которой свѣтилась огненной точкой единственная зажженная лампада, хранительница священнаго алтаря, символъ божественнаго присутствія.

Онъ повѣрялъ свою тоску Богу, своему Богу. Онъ изливалъ передъ Нимъ всю свою скорбь. Онъ просилъ у Него совѣта, состраданія, помощи, покровительства, утѣшенія, и эта молитва, ежедневно повторяемая съ возрастающимъ жаромъ, давала ему съ каждымъ новымъ разомъ все болѣе сильное одушевленіе.

Его измученное сердце, разъѣденное страстью къ женщинѣ, оставалось открытымъ и трепетало жаждой любви. И въ концѣ концовъ благодаря молитвамъ, благодаря жизни отшельника, укрѣпляющей благочестивыя привычки, благодаря беззавѣтности, съ которой онъ отдавался этому тайному общенію преданной души съ Богомъ, Спасителемъ, утѣшающимъ и привлекающимъ къ себѣ всѣхъ несчастныхъ, мистическая любовь къ Богу вошла въ него и побѣдила другую любовь.

Тогда онъ вернулся къ своимъ первоначаль-

нымъ планамъ и рѣшилъ посвятить свою разбитую жизнь церкви, которой онъ долженъ былъ бы отдать эту жизнь еще дѣвственной.

Онъ сдѣлался священникомъ. Благодаря своему имени, своимъ связямъ онъ добился того, что былъ назначенъ аббатомъ въ ту самую провансальскую деревню, куда забросилъ его случай. Пожертвовавъ большую часть своего состоянія на благотворительныя дѣла, онъ удержалъ у себя лишь сумму, необходимую для того, чтобы до конца жизни быть въ состояніи приносить пользу и помощь бѣднымъ. И онъ дѣйствительно нашелъ убѣжище въ этой тихой жизни, полной благочестивыхъ дѣлъ и заботливости о ближнихъ.

Это былъ пастырь съ узкими взглядами, но добрый. Священникъ съ темпераментомъ солдата, — одинъ изъ тѣхъ церковныхъ руководителей, которые стараются насильно загнать на истинный путь человѣчество, заблудшее, слѣпое человѣчество, потерявшееся среди лѣса жизни, гдѣ наши инстинкты, вкусы, наши желанія служатъ тропинками, заводящими въ дебри. Однако въ немъ еще сохранилось и жило многое изъ прежняго человѣка. Онъ по-старому любилъ сильныя физическія упражненія, загородный спортъ, оружіе и ненавидѣлъ всѣхъ женщинъ, которыя внушали ему ребяческій страхъ передъ таинственной опасностью.

II.

У рыбака, сопровождавшего священника, какъ у истаго южанина, чесался языкъ. Ему страшно хотѣлось вступить въ разговоръ, но онъ не осмѣливался начать первый, такъ какъ аббатъ пользовался большимъ уваженіемъ среди своей паствы. Наконецъ, онъ рѣшился.

— Что жъ, господинъ кюрэ,—сказалъ онъ,—нравится вамъ ваша дача?

Эта дача представляла собой одинъ изъ тѣхъ микроскопическихъ домиковъ, въ которыхъ жители провансальскихъ городковъ и селъ имѣютъ обыкновеніе укрываться на лѣто въ поискахъ свѣжаго воздуха. Аббатъ нанялъ себѣ хижину въ оливковомъ саду, въ пяти минутахъ ходьбы отъ своего церковнаго дома, также очень маленькаго, со всѣхъ сторонъ стѣсненнаго постройками, расположеннаго въ самомъ центрѣ прихода, бокъ-о-бокъ съ церковью.

Даже лѣтомъ онъ не жилъ на этой дачѣ постоянно; онъ переселялся туда время отъ времени на нѣсколько дней, чтобы побыть немного среди зелени и пострѣлять въ цѣль изъ пистолета.

— Да, мой другъ,—отвѣчалъ священникъ,—мнѣ тамъ очень хорошо.

Между деревьями замелькало низенькое жилище, окрашенное въ розовый цвѣтъ; оно казалось испещреннымъ, исполосованнымъ, из-